

Иван
ТУРГЕНЕВ



ЗАПИСКИ
ОХОТНИКА



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
Т 87

Статья Игоря Сухих
Примечания Аллы Степановой
Серийное оформление Евгения Савченко

ISBN 978-5-389-14390-6

© И. Н. Сухих, статья, 2005, 2018
© А. С. Степанова, примечания, 2005, 2018
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2018
Издательство АЗБУКА®

МОИ БЕЛЕСОВАТЫЕ...

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа,
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит, что тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Ф. Тютчев. 1855

Барчук и студент: проза и поэзия

Жизнь Тургенева кажется примером того, как многое в нашей жизни объясняется обстоятельствами рождения, семейной — едва ли не роковой — предопределенностью.

«Красивый, двадцатидвухлетний» Сергей Николаевич Тургенев был молод, родовит, но очень беден. Варвара Петровна Лутовинова — на шесть лет старше, некрасива, не очень образованна, но у нее в руках было 5000 крепостных крестьян, 600 000 рублей да несколько имений, перешедших в наследство от дяди.

Гусарский офицер, приехавший в Спасское-Лутовиново покупать лошадей, долго раздумывал, но потом скрепя сердце, подчиняясь мольбам отца, сделал предложение. Это был типичный брак по расчету: свою родословную и редкую красоту жених продавал за богатое приданое. Хозяйкой и распорядительницей в доме все равно оставалась женщина.

Венчались и играли свадьбу, вопреки обычаям, в имении жены: Варвара Петровна сразу продемонстрировала, кто в доме хозяин. Сын Иван родился 28 октября (9 ноября) 1818 года в Орле. Он был вторым ребенком, брат Николай появился на два года раньше.

Даже став семьей, родители жили разной жизнью. Отец не вводил жену в круг своих знакомых, имел любовные романы на стороне, равнодушно смотрел на происходящее в доме,

в том числе — на воспитание сыновей. Он умер в 1834 году, в 42 года, став для Варвары Петровны удобным поэтическим воспоминанием.

Но подлинной поэзии в быте Спасского было мало. Став наследницей огромного состояния и властительницей абсолютно зависимых от нее людей, Варвара Петровна словно мстила кому-то за годы унижения (она рано осталась без родителей и жила приживалкой в доме дяди), за несчастный брак и неудавшуюся жизнь. Приливы сентиментальности в ее жизни чередовались с приступами жестокости.

В одном из своих имений она устроила приют для бедных соседок-дворянок. В Спасском были богадельня, больница и крестьянское училище. Но провинившихся дворовых секли или отправляли в солдаты, детей беспощадно разлучали с матерями и даже задиристый индюк, обидевший любимого петуха барыни, по ее приказу был живьем закопан в землю.

Детей Варвара Петровна тоже воспитывала по методу кнута и пряника одновременно.

В четыре года Тургенев впервые увидел Европу: семейство на собственных лошадях через Берлин и Цюрих приехало в Париж, где задержалось на полгода. В большом штате сопровождающих числился домашний доктор А. Е. Берс, отец будущей жены Л. Н. Толстого. Нанимать гувернеров для детей Сергей Николаевич специально ездил в Швейцарию. Естественно, что Тургенев уже в детстве свободно говорил и читал на трех европейских языках, был светски воспитанным ребенком, ни в чем не знал отказа. Тургенев вообще — самый богатый человек из больших русских писателей.

Но с другой стороны, семейный разлад, приступы гнева и ревности госпожи-хозяйки не обходили и ее детей. Их, как и дворовых, часто секли, отец совершенно не вмешивался в это, добавляя к наказаниям «спартанские» методы воспитания: ранний подъем, окачивание холодной водой, бегание вокруг столба на веревке.

Однажды Тургенев даже решился бежать из дому и был остановлен только немцем-учителем. Мальчика на какое-то время оставили в покое после долгой беседы учителя с матерью.

Отдушинами, светлыми пятнами были обычные для дворянского ребенка вещи: природа, общение с крестьянскими детьми и дворовыми людьми, которые утешали и понимали. Внешний мир своей добротой и разнообразием словно возмещал недостаток любви и согласия в родительском доме.

Из детства Тургенев вынес глубокую образованность, тягу к красоте, ненависть к любым формам деспотизма, как общественного, так и семейного, но в то же время — безволие, слабость характера, «овечью натуру», как говорил он о себе сам.

В 1827 году семейство Тургеневых перебралось в Москву: начиналось время ученья. В 1833 году Тургенев поступает на словесное отделение философского факультета Московского университета, в следующем году переводится в Петербург. В Петербурге он впервые начинает писать, показывает свою поэму «Стено» университетскому профессору словесности и получает приглашение на литературный вечер.

Дальнейшее Тургенев хорошо помнил и через тридцать с лишним лет. «Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича, я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: „Да! да! хороши наши министры! нечего сказать!“ — засмеялся и вышел. Я успел только заметить его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин, с которым мне до тех пор не удавалось встретиться; и как я досадовал на свою мешкотность! Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога» («Литературный вечер у П. А. Плетнева», 1869).

Эта «невстреча» произошла в конце 1836-го или в начале 1837 года. До «вечно печальной дуэли» (В. Розанов) оставалось всего несколько недель.

Зато на третьем курсе студенту Тургеневу пришлось слушать профессора Гоголя. Известный уже писатель оказался странным лектором. «Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом, — вспоминал Тургенев. — Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории и что г. *Гоголь-Яновский*, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли, — с совершенно убитой физиономией, — и не разевал рта» («Гоголь», 1869).

Позднее, в Москве, Тургенев еще раз встретился с уже знаменитым автором «Мертвых душ» и слушал «Ревизора» в авторском исполнении. Так же мельком он видел Крылова, Жуковского, Лермонтова.

Пушкинская эпоха стремительно уходила, возникал культурный разрыв. Не успевая передать эстафету, боги и полубоги бледной тенью мелькали в жизни людей сороковых годов. Гончаров тоже случайно увидит Пушкина на университетской лекции. Островский тоже услышит от Гоголя лишь несколько слов после чтения своей пьесы.

Но эти краткие встречи «дети» будут помнить всю жизнь. Не успев толком познакомиться и подружиться с создателями новой русской литературы, люди сороковых годов еще более ценили их книги. «Он был беспредельный фанатик Пушкина и Гоголя», — вспомнит о Тургеневе художественный критик В. В. Стасов, относившийся к этим писателям по-базаровски снисходительно. (Тургеневу такое отношение казалось святотатством.)

А в 1880 году, сами став знаменитыми писателями, уходящим поколением «отцов», Тургенев, Островский, Достоев-

ский будут произносить речи на открытии памятника Пушкину как наследники великой традиции, пытаясь объединить современников «веселым именем» Пушкина.

Светский лев: роковая любовь

Тургенев окончил Петербургский университет в 1837 году, поучился в Берлине, проездился по Европе, сдал магистерские экзамены в Петербурге, мечтая занять кафедру философии, но по стопам Гоголя не пошел и в 1843 году поступил на службу в Министерство внутренних дел. У него был тот же чин, что и у восемь лет служившего Островского, — коллежский секретарь. Начальником его был В. И. Даль, будущий автор знаменитого «Словаря русского языка».

Служба начинающего чиновника, однако, оказалась недолгой. В отличие от Гончарова или Островского, Тургеневу не надо было зарабатывать себе на жизнь. В 1845 году, не прослужив и двух лет, Тургенев покидает официальное государственное поприще — навсегда.

Вот наш Тургенев на свободе... Строку «Евгения Онегина» можно перефразировать потому, что это сравнение приходило в голову современникам. «В нем было столько общего по всем условиям с Онегиным, что его можно было признать за родного брата пушкинского героя» (В. А. Панаев).

Тургенев с явным удовольствием играл роль «светского льва»: модно одевался, блистал в салонах, путешествовал. Он всегда был готов «взбесить эпиграммой» не только врага, но и друга: от острого языка молодого денди страдали многие. Конфликтность Тургенева была необычайной. В разные годы у него возникали затяжные распри с Достоевским, Толстым, Гончаровым, Фетом, Некрасовым, Добролюбовым.

«Наука страсти нежной» тоже не оставалась в забвении. В 1840-е годы Тургенев переживает несколько романов. Особенно бурными были отношения с Татьяной Александровной Бакуниной. Двадцатишестилетняя экзальтированная девушка, увлеченная литературой и философией немецкого

романтизма, увидела в возлюбленном едва ли не воплощение божественного идеала.

«О, Вы были мне больше, чем брат, больше, чем друг. Вы были Христом моим, и я до земли склонялась перед вами. Я вам молюсь. Вас благословляю, вас благодарю за все. В Вас я узнала все величие Бога, всю беспредельную любовь его». На фоне такого стиля письмо пушкинской Татьяны может показаться очень трезвым и уравновешенным.

«Премухинский роман» (Премухино — усадьба семьи Бакуниных) длился полтора года (1841–1842). В нем отчетливо проявились уже сложившиеся особенности тургеневского характера и были проиграны сюжеты будущих романов писателя. Активной стороной в ситуации randеву была женщина. Молодой человек принимал поклонение, иронизировал, подавал надежду, сомневался, но в решающий момент давал отказ, сопровождаемый, впрочем, поэтическими оговорками. «Послушайте, клянусь Вам Богом: я говорю истину — я говорю, что думаю, что знаю: я никогда ни одной женщины не любил более Вас, хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью. (...) Ваш образ, ваше существо всегда живы во мне, изменяются и растут и принимают новые образы... Вы моя Муза».

Высокие платонические отношения перемежались поцелуями «белянок чернооких»: быт Спасского-Лутовинова как большого дворянского имения способствовал этому. В 1842 году у белошвейки Авдотьи Ивановой родилась незаконная дочь Пелагея. Через несколько лет она будет перевезена во Францию и станет Полиной Тургеневой. (Тургенев как будто оправдывает ироническую характеристику старушки Лариной: «Звала Полиною Прасковью».)

«Кружение сердца» прерывается в один день не менее роковым знакомством, чем встреча Павла Петровича Кирсанова с княгиней Р. В Петербурге 1 ноября 1843 года Тургенев знакомится с французской оперной певицей Полиной Виардо. Этот день своей жизни он назовет «священным».

Полине Виардо было двадцать два года. Она была не очень красива, преображаясь только на сцене. Она уже была

замужем за журналистом Луи Виардо, двадцатью годами старше жены. Она была трезвым, расчетливым, уравновешенным человеком.

В сюжете «премухинского романа» словно поменялись знаки. Теперь мужчина готов на любые подвиги для своей Дульсины, Прекрасной Дамы. Он колеблется между обожествлением этой женщины и рабством у нее. Он беспрерывно говорит о своих чувствах, вызывая иронические замечания друзей. «Ну можно ли верить в такую трескучую любовь, как ваша?» — однажды сказал занятый карточной игрой Белинский, услышав об очередном «чудном мгновении»: у Тургенева болела голова, и Полина (сама!) потеряла ему виски одеколоном.

Она же спокойно принимает все знаки поклонения, но не подает никаких надежд, иногда признаваясь знакомым, что «немного устала от изъявлений любви, разделить которую она не может».

Странный охотник: открытие мира

Похожесть Тургенева на пушкинского героя была, впрочем, относительной. За маской Онегина скрывались недюжинная образованность и несомненный, пока еще ищущий себя талант.

Тургенев быстро становится своим среди людей сороковых годов. Он дружит с Н. В. Станкевичем (в 1840 году этот замечательный, но ничем не успевший проявить себя основатель кружка «своего имени» умирает на руках Тургенева в Италии), М. А. Бакуниным (брат Т. А. Бакуниной в будущем станет знаменитым революционером-анархистом, прототипом главного героя романа «Рудин»), В. Г. Белинским (ему будут посвящены «Отцы и дети»), П. В. Анненковым (он станет главным читателем и литературным советником Тургенева). Позднее близкими знакомыми Тургенева станут многие литераторы из круга «Современника» (Некрасов, Толстой, Гончаров, Фет).

В это время раз и навсегда формируются тургеневские идеалы. Он становится *либералом-западником*, выступающим за медленное, эволюционное развитие России по европейскому пути. Главным его врагом поэтому оказывается крепостное право, в наибольшей степени отделяющее Россию от Европы. Наиболее жестокие его проявления он наблюдал в детстве в собственном семейном быту.

Сочинять Тургенев начинает в середине 1830-х годов. В отличие от Островского или Гончарова, он далеко не сразу находит свой путь. Литературные опыты первого десятилетия очень разнообразны: Тургенев пробует себя во всех литературных родах.

Полина Виардо потом вспоминала, что поклонник был представлен ей как «молодой русский помещик, славный охотник и плохой поэт». Однако среди подражательных элегий и поэм в духе «натуральной школы» было «В дороге» (1843), ставшее еще при жизни Тургенева знаменитым романсом «Утро туманное» (его поют и сегодня). Позднее А. Блок напишет стихотворение «Седое утро» (1914) с эпиграфом из Тургенева в одноименном сборнике своих стихов (1920).

Кроме стихов, Тургенев сочиняет пьесы. За десять лет (1843–1852) их было написано около десятка. Самой известной стала комедия «Месяц в деревне» (1850). В этой усадебной пьесе предсказаны некоторые особенности чеховской поэтики.

Но окончательно находит себя писатель в прозе. В 1847 году в журнале «Современник», когда-то основанном Пушкиным, а теперь, после долгого прозябания, перешедшем под редакторство Некрасова, в отделе «Смесь» публикуется очерк из народного быта «Хорь и Калиныч». Больше десятилетия марававший бумагу и все же начинающий сочинитель, уже высказывающий «твердое намерение вовсе оставить литературу», наконец находит свою тему. «В начале моей карьеры успех „Хоря и Калиныча“ породил „Записки охотника“».

Книга в основном сложилась за пять лет (1847–1852), но растянулась почти на всю жизнь. К двадцати двум ранним

очеркам Тургенев в начале 1870-х годов добавил еще три. Еще около двух десятков замыслов осталось в набросках, планах и пересказах современников.

Через много лет в предисловии к «Литературным и житейским воспоминаниям» (1868) Тургенев четко определил задачу книги, обозначив своего главного врага: «В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва...»

Но выполнение клятвы было не лишено парадоксальности. «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой дали сильнее напасть на него. (...) „Записки охотника“... были написаны мною за границей; некоторые из них — в тяжелые минуты раздумья о том, вернуться ли мне на родину или нет?»

Книга почти полностью была создана не с натуры, а по воспоминаниям. Свою Россию, Льгов и Бежин луг, Тургенев восстанавливал в памяти в Париже и маленьких немецких городках (как и Гоголь, сочинявший «Мертвые души» в Риме).

Центральный мотив книги неявно обозначен уже в первом очерке, в первых же фразах: «Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах».

Различие между орловской и калужской породами мужиков — социальное: первые ходят на барщину, а вторые си-

дят на оброке. Степень личной свободы определяет уровень благосостояния. Полный чувства собственного достоинства, положительный, практический, умный, внешне похожий на Сократа, Хорь был бы невозможен в придавленной барщиной орловской деревне.

Атмосфера бытовой жестокости, привычного как воздух крепостного насилия характерна для многих очерков.

Стоящие на коленях подле грязной лужи перед «утонченным» помещиком старик и его сын. «Помилуй, государь! Дай вздохнуть. Замучены совсем» («Бурмистр»).

Готовый на все голодный порубщик барского леса. «Душегубец окаянный, пей христианскую кровь, пей... (...) А мне что? Все едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — все едино. Пропадай все: жена, дети — околевай все... А до тебя, погоди, доберемся!» («Бирюк»).

Воспринимаемое как норма наказание розгами. «Проезжая через деревню, увидел я буфетчика Васю. Он шел по улице и грыз орехи. Я велел кучеру остановить лошадей и подозвал его.

— Что, брат, тебя сегодня наказали? — спросил я его.

— А вы почему знаете? — отвечал Вася.

— Мне твой барин сказывал.

— Сам барин?

— За что ж тебя велел наказать?

— А поделом, батюшка, поделом. У нас по пустякам не наказывают; такого заведенья у нас нету — ни-ни. У нас барин не такой; у нас барин... такого барина в целой губернии не сыщешь.

— Пошел! — сказал я кучеру. „Вот она, старая-то Русь!“ — думал я на возвратном пути» («Два помещика»).

Однако и новая Русь радуется мало. «Молодые господа прежних порядков не любят: я их хвалю... Пора за ум взяться. Только вот что горе: молодые господа больно мудрят. С мужиком, как с куклой, поступают: повертят-повертят, поломают, да и бросят. И приказчик, крепостной человек, или управитель из немецких уроженцев опять крестьянина в лапы заберет. И хотя бы один из молодых-то господ пример подал,

показал: вот, мол, как надо распоряжаться!.. Чем же это кончится? Неужто ж я так и умру и новых порядков не увижу?.. Что за притча? старое вымерло, а молодое не нарождается!» — рассуждает мудрый однодворец Овсяников из одноименного рассказа.

«Некоторые англичане и французы до сих пор не прочь думать, что крестьян освободили у нас потому, что Тургенев написал свои „Записки охотника“», — заметил уже в начале XX века историк М. М. Ковалевский.

Однако чистой публицистикой, прямой борьбой с крепостным врагом книга не исчерпывается. Наиболее острые сюжеты такого рода вообще не были реализованы. В «Земледеде», основанном на реальных событиях, мужики разделяются со своим помещиком, который ежегодно урезывал у них землю, оригинальным и беспощадным способом — «заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозема».

В «Записках охотника» Тургенев воссоздает тонкую, разноцветную материю национальной жизни: поэзия и проза, свет и тени предстают здесь в каком-то странном, труднообъяснимом сочетании.

Барин обращается с мужиками как с малыми ребятами: казнит и милует, кормит и по-отечески истязает. «Аркадий Павлыч, говоря собственными его словами, строг, но справедлив, о благе подданных своих печется и наказывает их — для их же блага. „С ними надобно обращаться, как с детьми, — говорит он в таком случае, — невежество...“» («Бурмистр»).

Но ведь они действительно дети, эти мужики, покупающие косы себе в убыток, и эти бабы, продающие за гроши собственные наряды и мужнины рубахи («Хорь и Калиныч»). Из всей огромной семьи Хорь выучил грамоте только любимца Федю. «Русская, правдивая, горячая душа» Яков пропивает свой талант в кабаке («Певцы»).

А выбившиеся из мужицкой избы вполне успешно играют в кошки-мышки со своими хозяевами и со знанием дела притесняют односельчан. «Всем наукам они научились, говорят так складно, что душа умиляется, а дела-то настоящего

не смыслят, даже собственной пользы не чувствуют: их же крепостной человек, приказчик, гнет их куда хочет, словно дугу», — философствует по поводу бар нового поколения тот же Овсянников. Имение Пеночкина действительно почти прибрал к рукам злопамятный «собака» бурмистр: «Да ведь Шипиловка только что числится за тем, как бишь его, за Пенкиным-то; ведь не он ей владеет: Софрон владеет».

Деревня и усадьба срослись корнями, существуют в сложном противоречивом единстве. Но тургеневские мужики, как правило, затейливее, колоритнее собственных хозяев. Они приложены к месту, а баре болтаются в этом мире без всякой привязи.

Физиологические очерки о проблемах русской предреформенной жизни чередуются в книге с прозаическими поэмами о загадках русской души («Певцы», «Свидание», «Гамлет Щигровского уезда»). Крестьянский мир прорастает в миф и размыкается в природу. Поэзия мифа раскрывается в рассказах мальчишек у ночного костра («Бежин луг»). Природа, увиденная глазами странствующего охотника, оказывается необходимым фоном едва ли не каждого рассказа.

Но «Бежин луг» кончается фразой о сбывшемся предчувствии: услышавший зов утопленника Павлуша гибнет, упав с лошади. И в неброской, но кажущейся вечной красоте усадебного пейзажа чувствуется близкий конец: «Осенью вальдшнепы часто держатся в старинных липовых садах. Таких садов у нас в Орловской губернии довольно много. Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, „дворянские гнезда“, понемногу исчезали с лица земли; дома гнивали или продавались на своз, каменные службы превращались в груды развалин, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись. Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окруженные распашанными полями, гласят нашему ветреному племени о „прежде почивших отцах и братьях“».

Вон когда, еще в конце 1840-х годов, старомодно общающийся с читателем повествователь предсказал закат дворянских гнезд и исчезновение настоящих антоновских яблок. Ткань общенациональной жизни рвется в самых неожиданных местах. «Неладно что-то в русском государстве!» — таков диагноз автора «Записок охотника».

Спасает от хандры все-таки природа. «А в зимний день ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверканья мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!.. А первые весенние дни, когда кругом все блестит и обрушается, сквозь тяжелый пар талого снега уже пахнет согретой землей, на проталинках, под косым лучом солнца, доверчиво поют жаворонки, и, с веселым шумом и ревом, из оврага в овраг клубятся потоки...

Однако пора кончить. Кстати заговорил я о весне: весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль... Прощайте, читатель; желаю вам постоянного благополучия».

Заканчивается книга чистым пейзажем, в котором уже нет людей, а есть лишь лес, да степь, да птичьи голоса, да ведущая невесть куда дорога — вечный круговорот бытия.

«В ней столько жизни и замечательная сила таланта, — восхищался „Записками охотника“ Ф. Тютчев. — Редко соединялись в такой степени, в таком полном равновесии два трудно сочетаемых элемента: сочувствие к человечеству и артистическое чувство. С другой стороны, не менее замечательное сочетание самой интимной реальности человеческой жизни и проникновенное понимание природы во всей ее поэзии».

Русский скиталец: западник — о России

Со времени «Записок охотника» проза становится главным делом Тургенева-писателя. Но поиски новых тем и жанров непрерывно продолжались.

Наряду с книгой о мужицкой, крестьянской России, в которой люди «образованного общества» мелькают лишь на периферии, Тургенев сочиняет рассказы и повести, где такие персонажи оказываются главными. В них опробуются несколько важных сюжетных ситуаций и художественных формул.

В «Дневнике лишнего человека» (1850) Тургенев находит определение героя времени, которое станет важным не только для понимания других романов, но и будет распространено на персонажей предшествующей русской литературы. В «Асе» (1857), благодаря статье Чернышевского, будет обнаружена ключевая для тургеневских произведений ситуация «русского человека на *tendez-vous*». В «Фаусте» (1856) откроется возможность для понимания современного человека в связи с «вечными образами» мировой культуры. Об этом же Тургенев будет говорить в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1859).

Так, прямо на глазах читателей, складывалась концепция и поэтика главного создания Тургенева: цикла из шести романов, в совокупности представляющих исторические типы героя времени с 1840-х до 1870-х годов. Издавая собрание сочинений в 1880 году, Тургенев в предисловии специально подчеркнул единство этого замысла.

«Автор „Рудина“, написанного в 1855 году, и автор „Нови“, написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы то, что Шекспир называет «*the body and pressure of time*» (самый образ и давление времени), и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений».

Наряду с романами Тургенев, как настоящий литератор, сочинял и многое другое: новые повести и рассказы, критические статьи и предисловия. Но это двадцатилетие было организовано прежде всего романной летописью. По отно-

шению к ней определялись многие другие явления русской литературы.

В только что приведенной цитате Тургенев говорит об «авторе» как «одном и том же человеке». Речь здесь идет об авторе как *создателе*, авторе как *носителе художественного смысла* (хотя и в данном случае исследователи отличают два последних романа «Дым» и «Новь» от предыдущих). Но то же самое нельзя сказать об авторе как *человеке*.

Жизнь Тургенева в эти десятилетия проходит в постоянных скитаниях, полна неожиданных поворотов, встреч и разрывов.

В 1850 году внезапно умирает мать, и Тургенев вместе с братом становится настоящим наследником (до этого Варвара Петровна, стремясь порвать отношения сына с «ведьмой» Виардо, практически отказала ему в средствах).

В апреле 1852 года, после публикации некролога Гоголю, писателя месяц содержат в заключении, а затем ссылают в Спасское-Лутовиново. Он проводит в родном имении полтора года, тайно отлучаясь в Москву для свидания с Полиной Виардо.

Во второй половине 1850-х годов Тургенев «кочует» из России в Европу и обратно. Во Франции сочиняются многие очерки «Записок охотника», на английском острове Уайт возникает замысел «Отцов и детей».

Трезвый среди пьяных: ссоры и разрывы

Казалось бы, тесный круг людей сороковых годов в шестидесятые годы рвется. Этому способствуют как надвигающиеся исторические катаклизмы (поражение России в Крымской войне, новое царствование, подготовка и осуществление крестьянской реформы), так и личные обстоятельства (различие взглядов, дележка «лаврового венка славы»).

Почти каждый тургеневский роман, принося автору читательский успех, провоцирует какой-либо разрыв.

«Дворянское гнездо» навсегда разводит Тургенева и Гончарова. Автор будущего «Обрыва» до конца жизни не сможет

избавиться от подозрений, что в этом романе использован его сюжет.

«Накануне» приводит к уходу Тургенева из «Современника». Статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» провоцирует категоричный вопрос, поставленный перед Некрасовым: «Я или Добролюбов?». Редактор журнала выбирает Добролюбова, ощущая, куда дует ветер: людей сороковых годов в общественной жизни сменяют «новые люди». Полемическое отношение к ним Тургенева отражает злая шутка: «Чернышевский — простая змея, а Добролюбов — змея очковая». Иногда Тургенев добавлял, что Писарев — гремучая змея.

Вскоре доходит очередь и до Толстого. Споры между ним и Тургеневым были постоянным фоном в кругу «Современника». Появившись в журнале позже других литераторов сороковых годов, Толстой сразу обозначил свою бытовую непримиримость и нравственную требовательность. А. А. Фет отметил в нем «невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений» и вспомнил, как был «свидетелем того отчаяния, до которого доходил кипятящийся и задыхающийся от спора Тургенев на видимо сдержанные, но тем более язвительные возражения Толстого».

«— Я не могу признать, — говорил Толстой, — чтобы высказанное вами было вашими убеждениями. Я стою с кинжалом или саблей в дверях и говорю: „Пока я жив, никто сюда не войдет“. Вот это убеждение. А вы друг от друга стараетесь скрывать сущность ваших мыслей и называете это убеждением.

— Зачем же вы к нам ходите? — задыхаясь и голосом, переходящим в тонкий фальцет... говорил Тургенев. — Здесь не ваше знамя! Ступайте к княгине Белосельской-Белозерской!

— Зачем мне спрашивать у вас, куда мне ходить! и праздные разговоры ни от каких моих приходов не превратятся в убеждения» («Мои воспоминания»).

Толстой и Тургенев — люди одного социального круга и, в общем, одного поколения. Но нет ли у нас впечатления,

Тургенев И.

Т 87 Записки охотника : очерки / Иван Тургенев. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. — (Мировая
классика).

ISBN 978-5-389-14390-6

«Редко соединялись в такой степени, в таком полном равновесии два трудно сочетаемых элемента: сочувствие к человечеству и артистическое чувство», — восхищался «Записками охотника» Ф. И. Тютчев. В «Записках охотника» Тургенев воссоздает тонкую, разноцветную материю национальной жизни: поэзия и проза, свет и тени переплетаются здесь в неповторимых, причудливых образах, а природа оказывается необходимым фоном едва ли не каждого очерка. Описания картин жизни дореволюционной России перерастают в «Записках охотника» в размышления о загадках русской души.

УДК 821.161.1

ББК 84(Рос-Рус)1-44

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ
ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Анна Быстрова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.03.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өңдіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сапалық деңгейін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Аппараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



A-AMC-22627-08-R